

Часть I Н Е К Р О Л О Г

Прежде помянем убиенного Евгения Шешолина, соредактора и ведущего автора альманаха. Царствие Небесное тебе, наш милый Женечка!..

Евгений Шешолин был выброшен по неизвестным причинам из окна третьего этажа в центре г. Даугавпилса в середине дня 27 апреля 1990 г. Он скончался, не приходя в сознание, на другой день в полдень. Хотя происходящее наблюдала вся улица и доныне народ в городе не сомневается, что было убийство, — ни милиция/ее вызывали, услышав шум и крики о помощи — "не мешайте работать!" — ответила милиция/, ни, позже, прокуратура ничего не сделали для выяснения истины. Они откровенно покрыли злодеяние. Если неизвестны причины его, то убийцы, как ни странно, известны, но почему-то органам оказалось выгодным за таковых их не признать. Только благодаря сообщению в независимой прессе и, видимо, на Западе, как минимум через месяц было начато формальное расследование, которое и завершилось формально "за отсутствием события преступления". Все осталось списанным на самоубийство; как поначалу с непроходимой наглостью они и утверждали; благо в одной только нашей "Майе" наберется отнюдь не один человек из добившихся "белого" военного билета; дабы не служить в доблестной нашей армии, особенно периода Афганистана. Одни только грубиян-прозектор, страхуясь, нашел "компромисс", подчеркивав в свидетельстве о смерти "род смерти неизвестен". Не хочется сейчас упоминать ни о проклятой коммуналке, куда по делам зашел Женя, ни имен 99%-известных убийц, ни более или менее "выуженных" фактов — мрачно, но любопытные детали по ведению именно "дела" все же изложу. По возбуждении расследования сестра покойного и мы, двое друзей, приехали побеседовать со следователем Рацинем. В разговоре открылось, что действительно/можно уже добавить "так называемые"/ свидетели/а это 2 этажа ателье в доме напротив, улочка узка/ вовсе не идут навстречу допросу/хотя и обещали по горячим следам нашего посильного расследования друзей. Ведь органами ничего не делалось! Тело забрали в воскресенье, похоронили на 1 мая — и будьте довольны. Это отдельный ужасный рассказ.../ и, обнаруживаем дальше, в деле изначально, как назло/так и есть/, устроено все так, что ему, Рациню, не за что, мол, уцепиться, нет даже показаний судмедэкспертизы/видите ли, зачем-то отослали в Ригу/, ни надлежащих фотографий/не говоря уж о "вещдоках" — одежду мы сами принесли ему из больницы, где Женя умер/, плюс при длитель-

ном психологическом давлении на Рациня выясняется, что вообще тогдашний прокурор города Магомадов/любитель восточных сказок на уголовные темы по списанию убийств/ и его зам. Витковская/в чьем ведении все и было изначально/ подавали ему, Рациню, перед расследованием на-меки, что дело/как это говорится?/ "тухлое", лучше его, ведя, спустить, так сказать, на тормозах/действительно, что этим стражам закона до Жени из Пскова, да еще по негоциантским делам в чужой стране! Псков-то прозвонили, там-то только обрадовались.../. И далее — мол, он, Рацинь, человек маленький, простой следователь/тут еще на сессию на полтора месяца, дело, естественно, стоять будет.../, -- уволят -- куда идти? в дворники? "к вам мумиё продавать?"... Так этот "Акакий Акакиевич" от юриспруденции ничего и не "вышерлоххолмсил", да вот только надясь вдруг сам заделался прокурором — не парадокс ли? Такие дела, Женья. И вот я в одиночестве выпускаю—таки изваянный нами пятый номер, в котором усматривали мы некую "квинтэссенцию" "Майи" за 10 лет. Твоя заслуга в строгости отбора — главная. А сколько мы спорились из-за "рамочек" на страницах, из-за моих этих "виньеток" "шедевра самиздата"! — как не хотелось тебе "в рамочку"... Прости. Благословим друг друга, — ты оттуда, я здесь помолюсь. Как ушел ты, ничего "публицистического" совсем не мог, номер был в запустении, — сложился лишь Плач по тебе...

Душа моя жаждет стореть, как сирень на ветру,
Но ветру боится поддаться, пока не умру...

Е.Ш.

/...Как бы хлеба предложенья преломлено Время —
Брызнувшей крови его кто непричастен теперь?../
— Быстро пусть птицы летят, и уходят косматые звери,
А прежде и люди -- веселые, зрелые, злые, любые,
Уползают рептилии, уплывают вкусные рыбы,
Долголюбимые бабочки, — прочь от огня, мотыльочки! —
Пуускай Все свернется! ведомая амбразура! —
Гаснет, отъединяется мир! /...И вновь вставлены стекла,
И высокая кровь на поспешно затертой панели.../
— Гондвана, девон, кайнозой, вы, камни и минералы,
И вы, ледовитые скалы, перстни-озера, реки и деревья,
Домик-мираж, скрипучая колыбель несвободы,
Одино-око, ненавистные школы страны дураков,
Боевые курятники в окаймленья страстей и помоек,
Ну а смеха — греха ль!.. — отстраненные! -- прочь!
Слезная радость луча-первача чрез листву баловства
Паутинающаяся, стирасмую... — Навсегда, навсегда! —

Покачулся свет -- пещера истины не нема -- не сказать!..
— Не так же ли вон от острогов, погостов и пляжей --
Ах, эти шумы да гамы, а звездные гаммы,
Лунная чешуя шепчущихся родничков,
А эти радуги Божьи! -- и растворяются тоже,
И тучи эти/к ним всегда, хоть из небытия.../,
Растения пышнопахучие в пору июля,
Материки, острова, океаны, где так не бывал...
/...И уже все равно что оставшимся там остается,--
Горькопоследней любви вышина снисхожденья на землю?
А явный ведь поиск Забвенья, а Времени больше не будет!../
— До обиды красивые есть еще здесь вечера...
/Страницы проставленной жизни быстры, как бы с гор или горя
Сбегают тайные воды о Сути, возможно -- о Встрече.../
— ...Эх, минуя девчонку сопливую под тополями деревни,
Разбежище сопок -- туманят лагуны --
И эти отставшие, видимо, струны... --
— Прочь! мимо, дружок,-- как зеленая персть
Здесь, как прежде запретных, плодов,
Что приветливо тянутся... -- дальше!
Вперед! от всех недопознанных снов,
Страданий и слов, и каверзных -- всех -- рефлексий,--
Ру-х-х! Оползают геологические структуры,--
Ни-че-го, неизвестное нам досконально,--
И не доводхнувши глотка душиной лилии умиранья,
Стих ненаписанный,-- быть ныне понятным -- друг... --
Ф-ф-ф-ах! вот и подернуто покрывалом!
/...Остается ли в самой пустотной пустыне -- пустою -- Душа?
История, где ты была, когда не было Смерти?../
.....
...А помнишь... То было Время! слагали стихи,
От дыма веселье в сторожке, всегда как плаксивая осень,
Долготерпимый базар по тропиночкам к смыслу
Бытия... Ах, мистичный вибрировал зуд -- Продолжать!.. --
И кого-то уже понесли подремать
В охранявшийся нами советский автобус...
.....
Отчего же так вышло, дружок?!
К а к это Он объяснил?..

Из Плача по Жене Шешолину

О Жрецы вороньего утра, те-
перь чернота ваша не смертоносна,
не хулите ж сынов веселья!

В. Блейк

В виду неуклонно приближающегося Второго Пришествия/или, как у других, под конец кали-юги/, представляется странным писать об истории локальной нашей "Майи" — ведь вот-вот и сама Великая майя готова махнуть "прости" перед своротом — и, о, да увидим мы "новое небо и новую землю"!

Наш поседававший по "амбарным" книгам самоиздательства и все продолжающийся путь в океане поэзии/чутьочку прозы/ не то чтобы как-то особо тернист — он не слишком удачен известностью, — увы — ненавязчиво струимся, словно и жизни поток/утешенье саятанн!../, как пресловутая майя, когда загоревшего с юности герметизма, себя самих, в общем-то нам доставало, да и лениво въезжаяся асоциальность — как бы судьба, — порою бывая вполне апатичною, еще пребывает в надежде — не больше, не меньше — на Вечность.

Сей очередной "гроссбух" пытается взять на себя ответственность десятилетия, расширить границы варильни в собственном соку, выглянуть в мир и, очевидно, с пыльной усмешкой занять место в неисчерпаемой вавилонской библиотеке эпох. Некая оторванная в самомненье от внешнего мира школа, какая-нибудь "третья санга" допотопных времен, всем своим сладкозвучьем и косноязычьем вряд ли приостановила бы непозитивский хруст и грохот падения кали-юги. Почти как всегда, стихи нужны немногим, а нынешние избранные, имеющие к ним какое-то отношение, в основном ищут скорее изъяна, нежели расположены настроиться на лад и импровизацию другого, услышать и понять. /Ощущение некоего "дежаву": стихи уже спеты, а надо писать обещанное содержанием послесловие, за окнами снег, ветер, хуторская пустыня и, кажется, вот-вот занесет до неизвестной весны честолюбивую тропку по имени "может быть, все же кому-то все это да нужно..."/

..Когда опомнишься вдруг в так называемом нынешнем времени, с его, как утверждают серьезные люди, "аналитическим ходом"/с его утвердившимся кодом ко всякому смыслу Игры../, то где уж провинциальному осколку "великой тетки"/см. №4 "Майи", вступление к номеру Е.Шешолина/, с неперIODичностью и "безразмерностью", с определенным приятием открытого становления Текста, его в себе движения к островам Бытия, да еще при как бы тенденционном названии, будто призванном нести по российским просторам нечто чуждое, "языческое", при всепроцветающем, ди-корастущем — как его бишь? — "эклeктизма", при том всеобщем язвя-

шем разобщении случайных воспринимающих, — каким было образом немедля вскарабкаться нам на Парнас эпохи магистрализма, если не порывкая, опережая друг друга, не ползя, криво заглядывая в зенки повыкарабкавшегося да повыпрямившегося?!.. Нет, в беспредельных и вольных полях наш носился и пасся Пегас/эдакий, точнее, летучий табунчик/, — наш Парнас там, где был и всегда, и, маясь по сторону эту, изгой, — т а м смелись весельем общенья со словом по ритму тех первых оседланных облаков, на которых путешествовали и к вершинам Куньлуня, и — о! — какие/ты помнишь?../ клубились, искрились дымь!.. Конечно, кому-то покажется это все слишком аморфно-эфирно-лиричным, смешным и без "мяса", но какие еще фактологи? Вот прочтенные выше имена и стихи. Не мастакствуя рецензентством, можно лишь уточнить даты да города/не всегда рождения — Творчества/.

Александр Ожиганов, 1944г. Бендеры — Питер — Самара — ?

./из архива Охипкина/

Игорь Бухбиндер, 1950 — 1983гг. Новосибирск — Фрунзе/Питер/

Олег Охипкин, 1944г. Петербург

Евгений Шешолин, 1955 — 1990гг. Резекне — путешествия. — Псков

Сева Рожнятовский, 1955г. Псков /в "Майе" впервые/

Александр Нестеров/Соколов/, 1951г. Фрунзе

Андрей Богданов, 1961г. Псков

Мирослав Андреев, 1959г. Иссык-Куль — Фрунзе — Псков

Юрий Богомолец, 1957г. Фрунзе — Джалал-Абад

Татьяна Найник, 1953г. Псков

Сергей Рязанцев, 1952г. Псков — Питер

Наум Каплан, 1947 — 1978 кажется, Одесса /из архива Охипкина/

Борис Куприянов, 1949 Петербург

Виталий Чапайкин, 1950г. Уфа — Питер — Псков /в "Майе" впервые/

Василий Бетехтин; 1951-87. Фрунзе

Петр Чейгин, 1947г. Петербург

Не все здесь друг с другом знакомы, есть "гости". Наибольшую для нас гордость составляет уже четырехмерное "гостевание" скитальца Ожиганова/о, он еще ожет российскую словесность!/, чью "Стрекозу" милостиво предоставил нам "заметивший нас" патриарх, самый близкий из чопорных, в основном, петербуржцев, любимый человек и поэт Олег Охипкин, "последняя капля" в чашу в свое время созревшей идеи "Майи"... Остальные, лично нам незнакомые, питерцы/хотя и Олега, и их стихи, уж наверно известны/, остаются из любви к поэзии и по традиции, а покойника Каплана просто и некому, поди, напомнить. По тем или иным причинам мы не включили ряд авторов, промелькавших на страницах, бывших номеров. В основном им есть, где печататься, а нам не хотелось, чтобы пятая "Майя" тоже была совсем уж "амбарной".

"Майя" — I была создана в мае 1980 года после того, как спаялась цепочка Азия — Псков — Петербург, — усилиями М. Андреева, Е. Шешолина, А. Нестерова/Соколова/. Во вступлении к №4 Женя вспоминает: "...мы сидели на каких-то ненужных ржавых рельсах возле самой Сосновой Поляны и связывали из листов первые номера нашей "Майи". Точнее, непосредственно этим занимался Соколов, никому кроме себя не доверявший общее наше детище, — скрупулезный, серьезный. Молодой я прихлебывал из горлышка праздничный, марочный портвейн/о, "Черные глаза"!../, а Андреев удачно лавировал между соредктором и бутылью. Начиналось одно из бесчиоленных литературных российских предприятий, драгоценное полной своей беззащитностью и ненужностью окружающим..." "Старик" Охажкин переправил первый номер за окян Алексею Кузминскому, и тот даже вроде бы где-то его "пихнул"/не видели/, что-то сказав по "Голосу"/не слышали/. Слава не прогрохотала над нашими головами, зашумели другие ветра. Так как политического мотива не было /"чистая поэзия"/, уголовный оказывался еще и более предпочтительным. Не вдаваясь в подробности ряда провокаций и фальсификаций в отношении нашего клана, сухо упомянем репрессировавшихся/поочередно и по-разному/ Богомольца, Андреева/со товарищи из близких, но не авторами "Майи"/, Рязанцева. /Сейчас всё, вроде бы, пока свободны в мире относительно, не говоря уж о тех, кто уже в абсолютном.../ Телега жизни... майи... "Майи" заскрытела, порой отваливались колеса, так что, например, 3-ий номер выходил в Издательстве Имени Собственного рекордных 6 лет... Да и что это за выплески тиражом в 6 экземпляров машинописи "с бритвочкой в руке"?! Один первый, кажется, достигал 12-ти... В каких там независимых теряются они библиотеках? Техассах? Парижах?.. Улыбается майя... Все в том же вступлении Женя пишет: "...Перестраивающееся каре официоза? Расширяющиеся контакты? А мы пьем от живых ветвей неочищенный, с мякотью, сок современности и не знаем девальвированных лавров. Мы — подсознательный голос народа, — да покажется это нескромным!

Вспоминается Изоча, потерянная в псковско-белорусских лесах, того же, 1980 лета. Горушка с молодыми сосенками, где когда-то было кладбище немецких солдат, ручей в болотных берегах, сиреневый, конечно, вечер, те же трое и тропинка, — немного сырая, готовая принять след. На ней-то, пока Соколов тщетно откапывал своего Йорика, мы с другом написали тогда какие-то свои строчки прутьями, крупными буквами. Далеко-далеко, как на полотне XIX века, показалась пожилая Женщина, и мы почему-то предпочли оказаться невидимыми. "Если эта женщина наступит на буквы, народ не примет наши стихи.. И мы ждали Женщина приблизилась, чуть замедлила шаг и таким же непроницаемым выражением лица обошла наши строчки по зеленой траве..."

Еще может быть, все-таки спросите вы, господа, почему ж это

"Майя"?.. "Название... раздражит ортодоксов, как лобой плюрализм. Наш, надеюсь, последователен, и "Майя" встроена ветрами разных эпох и культур. Частица общего чуда..." /Е.Ш., №4/ О, майя!.. Солнце юности вечной, творимая снова Игра! А амбиций, амбиций!.. /И надо еще "на отмазку" обещанному "последсловью".../ О, "Майя"! хранительница чародейств самообольщения — "остается нам только шаманить", — о, строгие формы, кристаллы, "жемчужины жемчужин" размеров несслыханных; версификаций нависшее гигантоманье "в чести" на игральнице штампов, спекулятивно, "синтеземами" реминисценций; изумленный авантюризм психоделических брешей — и с верой в Христа! — о, пристанище верований, мистификаций, — майя, игра, разнолико "распавшийся" универсум, а то и тихий надрыв "аквареловых" улочек Города, глобальный 'срез сопереальный, "пронзи-ительный", да и, конечно ж, — и как там их, в кубе метафор зовущих?.. — лир медногудящих витийство, иль тихие фрески, облупины слов возрождая; психо-мистагогический импрессионизм, та ткань сомо- и самотворящихся пульсаров заграничных, взорвавшийся компьютер всесловаря маразма гением, — иль тихие буксиды всё к гаваням культур иного рынка, все "сверхи" — сверх! — "сверхромантизм", "сверхклассицизм", "сверхреализм" — "нонконформизм" в претенциозности обыкновенной; но непреодолима та искр искренность костров и шедевральных! — и — перегоня, перекачаты, перевалы... — "Майя"!.. Как в тебе отражается эта Великая майя, так же мы с ней в тебе отразились, поэтому — "Майя", — потому, как истока, равно и финала не зная, потому что потока "эпейрогенической" жизни слоистых падений и взлетов бессмертной поэзии — майя, — некий Орден чуть ересиархов, что еще просочится прощенной Эпохой...

От Редакции

Мирослав Андреев

ПСКОВ, I80004, Спортивная 5, 24

Постскриптум: с Маййической усмешкой остается уточнить, что упоминавшийся Рацинь не стал прокурором, но лишь старшим следователем отделившейся от союзной Латвийской прокуратуры. Дело об убийстве осталось за союзом. Сведения о "прокураторстве" Рациня взяты из дезинформации одной из многих прибалтийских газет. Это и его ни от чего в "деле" не освобождает.